

БЕСЕДА ТОВАРИЩА СТАЛИНА

с председателем американского газетного об'единения „Скриппс-Говард Ньюспейперс“ г-ном РОЙ ГОВАРДОМ 1-го марта 1936 года

Говард: Каковы будут, по Вашему, последствия недавних событий в Японии для положения на Дальнем Востоке?

Сталин: Пока трудно сказать. Для этого имеется слишком мало материалов. Картинка недостаточно ясна.

Говард: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики?

Сталин: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике. Заместитель Литвинова Стоманов уже заявил недавно об этом японскому послу в Москве, указав на неизменно дружественные отношения, которые СССР поддерживает с МНР с 1921 года. Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году.

Говард: Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?

Сталин: Да, приведет.

Говард: Развили ли японцы за последние несколько дней какую-либо такую активность в районе границы МНР, которая (активность) была бы сочтена в СССР, как агрессивная?

Сталин: Японцы, кажется, продолжают накалять войска у границ МНР, но каких-либо новых попыток к пограничным столкновениям пока не замечается.

Говард: Советский Союз опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения. Между тем Польша заявляет о своем нежелании разрешить любым иностранным войскам использовать ее территорию, как базу для операций против третьего государства. Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С какими позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?

Сталин: История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу «в кредит», как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в 1918 году, пытаясь через нее прорваться в Ленинград.

Говард: Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин: Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард: Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

Сталин: Для подобных опасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да еще силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств. Я не вижу, какую опасность могут влечь в идеях советских людей окружающие государствы, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

Говард: Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

Сталин: Таких планов и намерений у нас никогда не было.

Говард: Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

Сталин: Это является плодом недоразумения.

Говард: Трагическим недоразумением?

Сталин: Нет, комический. Или, пожалуй, трагикомичным.

Выите ли, мы, марксисты, считаем, что революция происходит и в других странах. Но происходит она только тогда, когда это найдет возможным нужным революционерам этих стран. Экспорт революции — это чушка. Каждая страна, если она этого захочет, сама производит свою революцию, а ежели не захочет, то революция не будет. Вот, например, наша страна захотела производить революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим производить революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, это значит говорить то, что нет и чего мы никогда не производим.

Говард: В момент установления дипломатических отношений между СССР и США президент Рузвельт и г-н Литвинов обменялись тождественными вами по вопросу о пропаганде. В п. 4-ом пункте г. Литвинова президенту Рузвельту говорилось, что советское правительство обязуется «не допускать деятельности каких-либо организаций или групп или представителей, или должностных лиц каких-либо организаций или групп в отношении Соединенных Штатов в целом, или какой-либо их части, их территории или владений, имеющих целью свержение или подготовку свержения или изменение силой политического или социального строя». Я прошу Вас, мистер Сталин, обяснить мне, почему г-н Литвинов подписал это письмо, если выполнение обязательства по этому пункту несовместимо с желаниями Советского Союза или вне его власти?

Сталин: Имеются, по-моему, два очага военной опасности. Первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии. Я имею в виду неизбирательные заявления японских военных с угрозами по адресу других государств. Второй очаг находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют.

По сравнению с этим двумя основными очагами военной опасности японо-абиссинская война является анекдотом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности пере-

местится в Европу. Об этом говорят хотя бы недавние интервью г. Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое «миролюбие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда г. Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это симптом.

Говард: В чем, по Вашему, заключается основная причина современной военной опасности?

Сталин: В капитализме.

Говард: В каких именно проявлениях капитализма?

Сталин: В его империалистических захватнических проявлениях.

Вы помните, как возникла первая мировая война. Она возникла из-за желания переделить мир. Сейчас та же полоника. Имеются капиталистические государства, которые считают себя обделенными и призывают передел сфер влияния, территории, источников сырья, рынков и т. д., в которых хотели бы снова переделать их в свою пользу. Капитализм в его империалистической фазе — та самая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным если не юридически, то не существу-

щим. Вы же, быть может, возразите, что мы сотрудствуем с политическими эмигрантами, призывающими на нашу территорию. Но разве нет американских граждан, сущущихших белогвардейских эмигрантов, которые ведут пропаганду за капитализм и против Советов? Очевидно, эти эмигранты пользуются имеющимися в США правом убежища. Что касается нас, то мы никогда не потерпели бы на своей территории ни одного террориста, против которого бы он ни замышлял свои преступления. Повинимому, в США право убежища толкуется более расширительно, чем в нашей стране. Что же, мы не в претензии.

Вы же, быть может, возразите, что мы сотрудствуем с политическими эмигрантами, призывающими на нашу территорию. Но разве нет американских граждан, сущущихших белогвардейских эмигрантов, которые ведут пропаганду за капитализм и против Советов? Стало быть о чем же речь? Речь идет о том, чтобы не помогать этим лицам, не финансировать их деятельность. Речь идет о том, чтобы должностные лица обеих стран не вмешивались во внутреннюю жизнь другой страны. Наши должностные лица частично выполняют это обязательство. Если кто-нибудь из них провинится, пусть нам скажут.

Если зайти слишком далеко и потребовать высылки всех белогвардейских эмигрантов из США, то это было бы посягательством на право убежища, пропаганды и в США и в СССР. Тут надо признать известный разумный предел для требований и контр-требований. Литвинов подписал свое письмо президенту Рузвельту не в качестве частного лица, а в качестве представителя государства, точно так же, как это сделал и президент Рузвельт. Из соглашения является соглашение между двумя государствами. Помимо этого соглашения, и Литвинов и президент Рузвельт, как представители двух государств, имели в виду деятельность агентов своего государства, которые члены и не будут вмешиваться во внутренние дела другой стороны. Пропагандирование в обеих странах право убежища не могло быть затронуто этим соглашением. В этих рамках надо толковать соглашение Рузвельт — Литвинов, как соглашение представителей двух государств.

Говард: Но разве американские делегаты Броудер и Дарси не призывают на VII Конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в прошлом году в Москве, к насилиственному сворачиванию американского правительства?

Сталин: Признаюсь, что не помню речей гг. Броудера и Дарси, не помню даже, о чем они говорили. Возможно, что они говорили что-нибудь в этом роде. Но не советские люди создавали американскую коммунистическую партию. Она создана американцами. Она существует в США легально, она выставляет своих кандидатов на выборах, включая в президентские. Если гг. Броудер и Дарси выступали однажды в Москве с речью, то у себя дома в США они выступали с подобными и даже гаверяющими более решительными речами сотни раз. Весь американский коммунист имеет возможность свободно проповедовать свою идею. Совершенно неправильно было бы считать советское правительство ответственным за деятельность американских коммунистов.

Говард: Да, но на этот раз речь идет о деятельности американских коммунистов, имевшей место на советской территории, в нарушение п. 4 соглашения Рузвельт — Литвинов.

Сталин: Что представляет собой деятельность коммунистической партии, в чем она может проявляться? Деятельность эта заключается обычно в организации рабочих масс, в организации митингов, демонстраций, забастовок и т. д. Совершенно понятно, что всего этого американские коммунисты не могут проделать на советской территории. У нас в СССР нет американских рабочих.

Говард: Могу ли я цитировать Ваше заявление так, что может быть найдено такое истолкование взаимных обязательств, при котором добрые отношения между нашими странами были бы осложнены и преодолены?

Сталин: Да, безусловно.

Говард: Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и из-

весто-социализм в Германии утверждают, что они достигнуты сходные результаты. Не является ли общая чертой для всех называемых государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин: Выражение «государственный социализм» нечеткое. Поэтому термин многие понимают таким порядком, при котором известная часть общества, иногда довольно значительная, переходит в руки государства или под его контроль, между тем, как в огромном большинстве случаев собственность на заводах, фабриках, землю остается в руках частных лиц. Так многие понимают «государственный социализм». Иногда за этим термином скрывается порядок, при котором капиталистическое государство, в интересах полуотъемки или ведения войны, берет на свое содержание некоторое количество частных предприятий. Общество, которое мы построим, никак не может быть названо «государственным социализмом». Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной. Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-кохозяйская собственность. Ни итальянский фашизм, ни германский националь-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего, потому что частная собственность на фабрики и заводы, на землю, банки, транспорт и т. д. осталась там нетронутой и поэтому капитализм остается в Германии и Италии во всей силе.

Да, Вы правы, мы еще не построили коммунистического общества. Построить такое общество не так-то легко. Разница между обществом социалистическим и коммунистическим Вам наверное известна. В социалистическом обществе еще имеется некоторое имущественное неравенство. Но в социалистическом обществе уже нет биробитан, уже нет эксплуатации, уже нет угнетения национальностей. В социалистическом обществе каждый обязан труиться, хотя и получает за свой труд еще не сообразно своим потребностям, а сообразно количеству и качеству труда. Поэтому еще существует заработка платы, притом неравной, дифференцированной. Только тогда, когда удастся создать такой порядок, при котором люди получают от общества за свой труд не по количеству и качеству труда, а сообразно их потребностям, можно будет сказать, что мы построили коммунистическое общество.

Вы говорите о том, что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения. В Вашем вопросе сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает личную свободу. Это неверно. Конечно, для того, чтобы построить что-нибудь новое, приходится наложить экономии, накапливать сбережения, сокращать временно свою потребность, запирать у других. Если хочешь построить новый дом, то копить деньги, временно урезывать свои потребности, иначе дома не можешь и не построить. Это полезно с практической стороны, когда речь идет о том, чтобы построить целое новое человеческое общество. Приходилось временно урезывать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, наращивать силы. Мы так именно и поступали и по-прежнему будем пользоваться активными и пассивными избирательными правами на равных правах с мужчинами. Наша выборы будут полностью равны.

Почему наши выборы будут равны? Потому, что все граждане, за исключением лишенных избирательных прав по суду, будут иметь право избирать и быть избранными.

Почему наши выборы будут равны? Потому, что ни различие в имущественном отношении (еще частично существующее), ни расовая и национальная принадлежность не будут давать никаких привилегий или ущерба. Женщины будут пользоваться активными и пассивными избирательными правами на равных правах с мужчинами. Наша выборы будут полностью равны.

Почему равные? А потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят выбрать, кому они доверят обеспечение своих интересов.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма ожесточенную избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворять те или иные из многосторонних потребностей. Тогда придется временно урезывать некоторые потребности, накапливать соответствующие средства, наращивать силы. Мы так именно и поступали и по-прежнему будем действовать.

Почему равные? Потому, что мы хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят выбрать, кому они доверят обеспечение своих интересов.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

Почему равные? Потому, что непосредственные выборы на местах во все представительные учреждения, вплоть до верховных органов, лучше обеспечивают интересы трудающих нашей необъятной страны.

СИЛА ИНЕРЦИИ

(В порядке обсуждения)

Наша критика пишет о поэзии слишком мало. Вопросы, которые она время от времени поднимает, очень часто не являются вопросами первостепенной важности. Возникают дискуссии, уводящие в сторону от наиболее актуальных тем. Обнаживается та сила инерции, которая слишком скучает горизонты.

Эта инерция обнаружилась в выставлениях ряда критиков на страницах «Литературного Ленинграда» и на ленинградской поэтической дискуссии. Эта инерция заставляет этих критиков вращаться около так называемой «любовной тематики». Многим стало казаться, что последние два года наша поэзия только и пишут о любви. И Григорьев, например, утверждал, что «из всего разнообразия переживаний и чувств современных поэтов сконцентрировалась все свое внимание на одной теме любви».

Верно ли это утверждение?

Во всяком случае, оно слишком зреющим.

Н. Коварский правильно указывал на то, что в активах поэтов, пишущих сейчас стихи на любовные темы, есть целые книги стихов, затрагивающих более широкую тематику. Но это верно не только по отношению к прошлой работе этих поэтов. Если бы критики взяли не отдельную небольшую группу поэтов, а учтывали бы весь поэтический фронт, они увидели бы, что где-то обстоит иначе.

Вспомним, что национальные поэты сконцентрировали все свое внимание на одной теме любви.

Верно ли это утверждение?

Во всяком случае, оно слишком зреющим.

Н. Коварский правильно указывал на то, что в активах поэтов, пишущих сейчас стихи на любовные темы, есть целые книги стихов, затрагивающих более широкую тематику. Но это верно не только по отношению к прошлой работе этих поэтов. Если бы критики взяли не отдельную небольшую группу поэтов, а учтывали бы весь поэтический фронт, они увидели бы, что где-то обстоит иначе.

Вспомним, что национальные поэты сконцентрировали все свое внимание на одной теме любви.

Кроме «Хакасских стихов» Тихонова, мы имеем поэму Корнилова «Моя Африка», вышедшую отдельной книгой «Лангр» Луговского, «Золушка» Кирсанова, новые интересные стихи в «Известиях» опубликовал Пастернак. В «Звезде» были опубликованы отрывки из пьесы Сапгара «Брест», он же опубликовал новые стихи на «Золотой Ольжине». Нельзя обойти молчанием новые стихи Альтомского, Годольского, Спасского. Кроме того, поэты расширяют свой жанровый диапазон. Виктор Гусев написал пьесу в стихах «Слава», Светлов написал пьесу «Любовь провинции», где стихи занимает видное место. Работа молодежи в этом году тоже не ограничивалась любовной темой.

Надо еще учесть, что не все из написанного в 1935 году опубликовано:

например, «Европейские стихи» Тихонова, которые несомненно являются крупнейшим событием в нашей поэзии за последние годы. Конечно,

большие и ответственные темы наша современности еще не написаны достаточно отражения в произведениях наших поэтов. Но из перечисленных примеров уже ясно, что любовная тема в работах наших поэтов за последний год была только эпизодом.

А уж если мы об этом эпизоде заговорим — будем говорить по существу. Нам надлежало бы договориться о том, что мы понимаем под лирическим, определять обеим лирическим.

Вопрос этот не так уж нов.

Еще в 1944 году Н. В. Гоголь в «Дяде Федоре» писал:

«Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана тебе на то, чтобы взвыять камни, ворочать утесы. Ориендиш крутом, все теперь предметы для лирического поэта; всякий человек требует лирического возвращения нему, куда ни повернешься, видишь, что нужно или попрекнуть, или освежить кого-нибудь. Попреки же прежде всего сильных лирических упреков, по умынным людям, воззрениям на сильного лирического поэта, на демократичного человека. Опоры, гневное лицо, и его проклятия роскошь. Воззреть в торжественном гимне несметного труженника полей. Убеждены гимном этого исполнена, который вдруг пробуждается от повторного сна, становится вдруг другим, и, плюнувши в лицо вдруг всех своих огников, несмотря на наливание отрицательных показателей в его работе.

Бывает и так, что критика судит о поэте «задним числом», несмотря на то, что в активе поэта есть уже новые вещи. Так произошло с Д. Альтаузеном. Группе поэтов пришло выпустить со специальным листом, чтобы мы стали лучше понимать свое дело, лучше писать, чтобы мы могли сказать:

«Душа прямится, крепнет воли

И наша собственная доля

Определяется ясней!»

С 12 февраля в Музее изобразительных искусств открыта выставка одного из крупнейших советских художников Сергея Герасимова. Мы воспроизводим в этом номере ряд произведений художника. С. Герасимов «В. И. Ленин на II Всероссийском съезде советов беседует с крестьянами».

самое последнее время начинают говорить об Антокольском так, как о нем следовало говорить давно.

Я не могу не процитировать еще несколько мыслей Гороля, прямо относящихся к нашей критике:

«Поэты «разбирали» весьма многословно, но высказывали большие мысли самих себя, нежели разбирательства, и достигнули только того, что сбились и спутали понятия публики о наших поэтах так, что в глазах ее личность каждого поэта теперь двоякая, и никто не может представить себе определенно, что такое из них есть в существе своем».

Заломним же, что мы обсуждаем вопросы поэзии не только для нескольких сотен литературных работников, — мы обсуждаем их для гордого количества огромного и качественного читателя, того читателя, для которого мы пишем.

Мы должны говорить о поэзии так, как говорит на своих производственных совещаниях табачники нашей страны, — говорит профессионально, то есть по существу, говорить так, чтобы мы стали лучше понимать свое дело, лучше писать, чтобы мы могли сказать:

«Душа прямится, крепнет воли

И наша собственная доля

Определяется ясней!»

МАРИЯ КОМИССАРОВА.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.) На совещании киноработников, состоявшемся на днях во Всесоюзном комитете по делам искусства, было подчеркнуто, что «все планы развития нашей кинематографии разобьются об отсутствие сценариев, если к работе над ними не будут широко привлечены писатели, которых надо окружить в кино максимальным вниманием».

Не все работники кино, однако, понимают эту очевидную истину. Дальнейшую свою внимание к творческой работе писателей в кинематографии, эти работники на деле обнаруживают полное неумение или нежелание работать с писательскими кардрами. Та-

кая разница между словом и делом яро проявляется на фестивале в Ленинградской кинокомпании Белгоскино в работе с писателем М. Козаковым. Речь идет о фильме к двадцатипятилетию Октября.

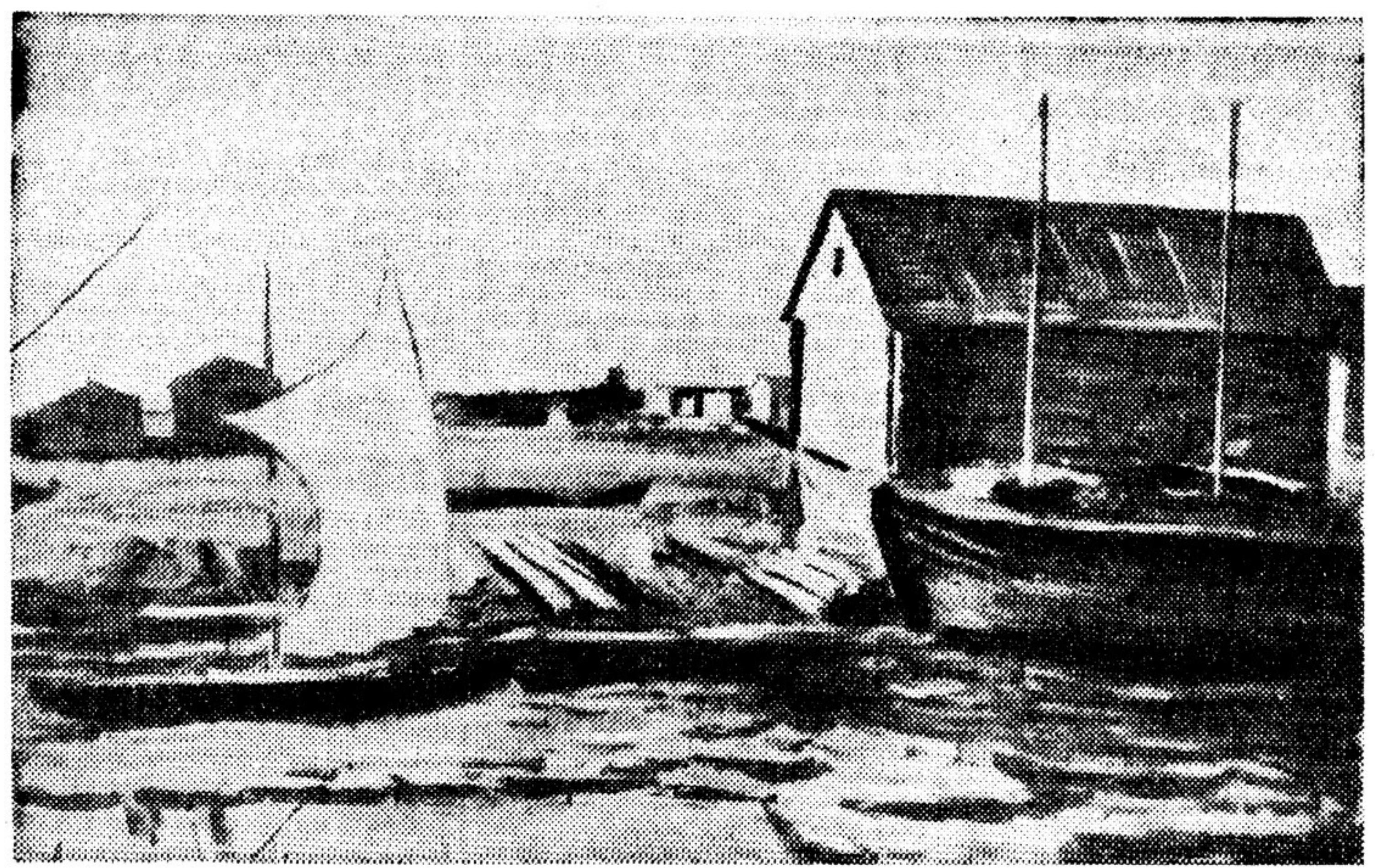
В конце января руководство фабрики сообщило М. Козакову, что его сценарий утвержден культивированием ЦК КП(б)Б, и фабрике предложено обязательноставить фильм по этому сценарию.

Через три недели после новых назначений в М. Козакову приехал режиссер Н. Я. Береснев. И тут, на квартире писателя, выяснилось, что режиссер... даже не знает, зачем он приехал! Н. Я. Береснев очень удивился, узнав от М. Козакова, что речь идет о постановке двух фильмов, из которых уже занят постановкой двух кончено, моя братия с третьей, конечно, не в силах.

Ленинградские авторские организации считают писателей руководства фабрики Белгоскино антиобщественными и нарушителями элементарных авторских прав писателя, передают дело в суд. Этим делом, счищаем мы, должен заинтересоваться и Комитет по делам искусств.

Б. РЕСТ.

С. Герасимов. Из цикла «Беломорско-Балтийский канал им. Ставрина»

КНИГИ

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Личная жизнь — самая отсталая, самая неблагодарчайшая тема нашей литературы. Повелось почему-то изображать развитленного рода «глуповатых борцов», которые с молчанием ведом отмахиваются от «проклятых вопросов»; для них все просто и понятно. А любовь? А личная жизнь? Это яснее всего, простей просто. Только так называемые «личные интеллигенты» имеют право тосковать, любить, мечтать об «одной единственной», ревновать, чувствовать одиночество. Для упрощенного, выдуманного, мимо «нового» человека вопрос разрешается приблизительно так: разлюбила — не надо всегда найдется не хуже, а много шансов, что и лучше; личная жизнь — вроде приданка склонной к жизни: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

В действительности, конечно, не сложность раздумий над жизнью, не пафос большого чувства — наследие «старой интеллигентии», а именно это столь легкомысленное, непростиное упрощение человека. Кими Самтин легко усваивал чужие мысли, когда они упрощали человека. Упрощающие мысли очень облегчали необходимость иметь об всем свое мнение. Кими Самтин в своих формальных упрощали человека потому, что не удавался его, и чувства эти (личные и общественные) были одинаково дрянины и пошили.

Молодой писательница О. Бергольц смело ставит вопрос о сложности нового человека, об единстве общественного и личного, о недопустимости всякого рода упрощений*. «Журналисты» — повесть о любви и работе двух молодых советских журналистов — Навы Калганова и Тони Коэзовой. Образ Калганова целен, внутренне логичен. Калганов — комсомолец. По собственному желанию едет он в Ленинград в отдаленную средиземноморскую республику, чтобы работать там по конца пятилетки. Он работает уверенно, страстно, талантливо. И в то же время этот сложный, одаренный человек, всячески стремится упростить себя. Для него «искусство и любовь» — основные «отклонения» от правильного жизненного пути. Калганов не наукает «самоуверенности» восстает против «свежей не первого плана», т. е. против любви и быта, против пассивности, против милых и теплых слов. Всей логикой этого образа автор убеждает

читателя, что люди типа Калганова способны только на большое чувство, что их нынешним в области «личного» заноски, неорганичен, случаен. Калганов обращает к себе шелуху первых и вторых планов, он убеждаясь, что большая любовь отнюдь не противоречит большой работе. «Первая, я думал, по-другому зарабо-таем. Раз ты здесь, Тоня...».

При помощи образа молодой анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Могут ли быть у нас неудачники, «вечные переселенцы», тоскующие по неосуществленной мечте? Для тех, кому «все так просто в этом мире», жажды на «невидимую жизнь» покажутся упрощенными. Для него «искусство и любовь» — основные «отклонения» от правильного жизненного пути. Калганов не наукает «самоуверенности» восстает против «свежей не первого плана», т. е. против любви и быта, против пассивности, против милых и теплых слов. Всей логикой этого образа автор убеждает

читателя, что людьми типа Калганова способны только на большое чувство, что их нынешним в области «личного» заноски, неорганичен, случаен. Калганов обращает к себе шелуху первых и вторых планов, он убеждаясь, что большая любовь отнюдь не противоречит большой работе. «Первая, я думал, по-другому зарабо-

таем. Раз ты здесь, Тоня...».

При помощи образа молодой анти-

этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Она участвует в спектакле анти-этистики Тони Коэзовой, мечтающей быть «Ларисой Реглер» реконструктивного периода, автор с самого начала повести дискредитирует типичного Калганова. Тоня чувствует в ламентациях Калганова «вещах не первого плана» что-то недуманное, неверное, чужое. «Мы совсем не родные, мы совсем, совсем не родные», — думает она о Калганове. И моментально вспоминает свою кинешку: заболел — немедленно вылезать, и дело в штане. Личное и общественное предстает двумя антиподами, чем-то вроде противоборствующих сил. Если победит положительная сила (общественная) — хорошо, если отрицательная сила (личное) — плохо.

Б. БРАЙНИНА

Задумчивость, как основной фактор исторического процесса, ведущий революцию на ущерб, т. е. игнорирует действительные исторические причины. Чувствуя ложность и вредность подобной концепции, автор вводит два эпизода, говорящих о равнодушии работников Бюро Робертшу, но эти страницы — посторонний сюжет; они выглядят поношенными вставками и не убеждают читателя.

Отсутствие руководящей идеи сквозит и на композиции книги: магистрат действия теряется в изгибающихся волнах отступлений и вводных анекдотов. Так в романе появляется Дантон, явно лишь ради того, чтобы пронести десяток языковых фраз. Сюжет, как правило, изложен в виде плавных вспышек и ярких эпизодов.

Внешний код событий, хотя и не раскрывается автором, представлен довольно ярко. Обстановка эпохи воспроизводится более или менее напоминающими деталями, порой скучными метками. Дантон же, как и в романах Генриха Гейне, не выделяется из общего потока.

Судьбы персонажей, как правило, неизвестны читателю, и это делает роман скучным. Но есть одна интересная деталь: в романе нет ни одного языка, кроме французского.

Судьбы персонажей, как правило, неизвестны читателю, и это делает роман скучным. Но есть одна интересная деталь: в романе нет ни одного языка, кроме французского.

Влад. НИКОНОВ

Когда Густав Реглер выступил с речью на конгрессе защиты культуры в Париже, публика в зале не знала о нем ничего. Он говорил просто и взволнованно. В его речи не было ни философских открытий, ни особого блеска красноречия. Но он говорил о своей стране, о человеческом режиме, изгнавшем из Германии ее лучших людей, о страданиях заключенных, о подпольной борьбе с рабочими, о которых говорил в своем послании к конгрессу. И это было необычно для Густава Реглера, который всегда говорил о своем прошлом, о своем прошлом времени, о своем прошлом народе.

Воспитание у изгнанников не прошло пусто. Может быть, отсюда идет его постоянная борьба с религией, его отречение исторически обясняет религиозные мысли, а в истории — определить точное место религии. Его первая книга «Поход пастухов» — рассказ об исходе евреев из Египта не по библии — посыпана именами многих вопросов. Вторая книга олицетворяет бунт в немецкой горье 1928—1930 гг. Третья — «Будущий сын» — посвящена антиглубокий борьбе в Австрии. Себя, воспользовавшись случайному досмотром, он написал на конверте письма на немецком языке, в котором говорил о своем прошлом.

Есть писатели, для которых отрезок истории — тема «сама в себе». Конечно, как бы тщательно она ни восстановлена, какими бы психологическими приемами она написана, она не ищет в прошлом аналогии и не интересуется ими.

Он родился в Сааре, в католической семье. Он учился у мусульман, родители хотели сделать его священником. Семьдесят лет он попадал на войну, дослужился до офицерского чина и был дважды отравлен газами. Как Ренин, война привнесла ему счастье. Он родился в Германии, а в Германии он умер.

Он родился в Германии, а в Германии он умер. Густав Реглер — герой, который не интересует историков, а интересует писателей.

Он родился в Германии, а в Германии он умер. Густав Реглер — герой, который не интересует историков, а интересует писателей.

Он родился в Германии, а в Германии он умер.

БОРЬБА О КНИГЕ Г. РЕГЛЕРА «ПОСЕВ» О. САВИЧ

И ЕЩЕ раз вспоминают это бедствие как чуму. Иосс заставляет попы служить наемником. Приходит пастух из Германии, который организует взаимопомощь крестьян, спасает их от голода. Приходит жестокое сухое лето, за которым приходит холода, — погибают скоты, погибают крестьяне, погибают наемники. Иосс удаётся обмануть Иосса. Когда он обнаруживает крестовый поход против турок, растерянный после первой неудачи, Иосс верит императору и идет на войну. Ему возвращают крест, и он начинает казаться, что все зло — от турок. Но в соседней Швейцарии крестьяне сбросили крестное иго и живут свободно.

Этот роман о большом, настоящем революционере, о человеке своего времени, отнюдь не мечтателе, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.

В романе есть серьезные недостатки. Превозличен безличность профессионала, революционера, человека своего времени, отнюдь не мечтателя, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.

В романе есть серьезные недостатки. Превозличен безличность профессионала, революционера, человека своего времени, отнюдь не мечтателя, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.

В романе есть серьезные недостатки. Превозличен безличность профессионала, революционера, человека своего времени, отнюдь не мечтателя, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.

В романе есть серьезные недостатки. Превозличен безличность профессионала, революционера, человека своего времени, отнюдь не мечтателя, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.

В романе есть серьезные недостатки. Превозличен безличность профессионала, революционера, человека своего времени, отнюдь не мечтателя, трезвом, даже холодном, но страстью в вере и искренностью, точно знающим, чего он хочет, всегда прикладывавшимся к жизни, учащемся в ее.</p

**ПРОТИВ
ФОРМАЛИЗМА
И „ЛЕВАЦКОГО“
УРОДСТВА**

**Продолжение дискуссии
у киноработников**

Снова сдали не центральным членам всех выступлений становятся сценарии. В недостаточном количестве сценариев и неудовлетворительном качестве их — одна из главных причин невыполнения художественного плана, — указал зам. начальника ГУКР тов. Ушаков.

Тов. Винченцовский, первый из писателей, выступавший под покровительством союзом фильма наряду с режиссером, указывает, что работы писателя в кинематографии еще не наложены. Руководство кинематографии и правительство союза советских писателей должны направить все старания на то, чтобы найти наиболее плодотворные формы работы писателя в кино. Советский писатель не согласится работать как американский сценарист ремесленного типа. Мало сделать сценарий, — писатель следует возвратиться во все стадии производства фильма.

Тов. Винченцовский не имеет оснований жаловаться на свой личный опыт, и тем более его констатация неблагополучия на этом участке. Есть, — говорит он, — примерно, 30 писателей, готовых работать в кино. Но нам необходимо обеспечить им все необходимые для работы условия.

Тов. Соколовская говорит о том, что реорганизация сценарного дела вовсе не предполагает превращения писателей в литературных закройщиков по американским образцам. Необходимо только обеспечить наличие крепкого скоженного kostika в любом сценарии. Не отрицая наличия не разрешенных вопросов во взаимоотношениях между фабрикой и писателем, т. Соколовская сообщает, что с рядом писателей, в том числе тт. Винченцовского, Славянского, Шилковского, отношения вполне наладены. Но разумеется, полностью работавших в кино писателей недостаточно, и форма их привлечениятиательно продумывается.

О своих опытах и благотворном влиянии статей «Правиль» на их работу с большинством говорят т. Кулешов и Саченко.

Тов. Энгельситовой по болезни не мог выступить лично и прислал письмо, в котором говорит о переходе в последней своей работе на путь реализма, массовости, простоты.

В заключение выступил, встречающийся писатель, председатель Комитета по делам искусств т. Керженцев.

— Статьи «Правиль» имеют цель пробовать самокритику среди работников искусства, помочь им уяснить себе сделанные ошибки, — сказал он.

— Чем были вызваны эти ошибки? Тем, что многие наши композиторы, архитекторы, художники, писатели были оторваны от действительности. Отрыв от действительности приводит художников к искальзанию ее, так как писательность и натурализм, который основное в нем подменяет случайным, мелким, нехарактерным.

— Указавши «Правиль» надо рассматривать в связи с документами последнего времени о положении на фронте исторической науки. Их надо рассматривать также в связи с борьбой сообщением о беседе тов. Сталина и тов. Молотова с автором и постановщиками оперы «Тихий Дон». Руководители партии и правительства и лично тов. Сталин уделяют искусству огромное внимание. Искусство играет все более значительную роль у нас. Именно поэтому повышену требование к нему. Рост материального благосостояния и культурного уровня людей нашей страны открывает перед нашими искусством грандиозные перспективы.

В дискуссии участвовали также т. Дзига Вергас, Шварц, Нильсон, Лебедев и американский специалист Бергман.

ДМИТРИЕВ

**Союз писателей
Кировского края**

КИРОВ (наш корр.). По инициативе кировского краевого комитета состоялось краевое собеседование русских и удмуртских писателей. На собеседование присутствовало 40 писателей, поэтов и критиков Удмуртии и г. Кирова.

Совещание постановило организовать союз писателей Кировского края. Союзом организованное броно. Председателем оргбюро избран тов. Аксинин (редактор «Кировской правды»), ответственный секретарем — поэт Андрей Алданов.

После организационного совещания писатели были приглашены секретарем краевого комитета партии тов. Столяр и председателем краевсполкома тов. Бобковым. В своей речи тов. Столяр поставил перед русскими и удмуртскими писателями края целый ряд проблем. Тов. Столяр призвал писателей к серьезной взаимной учебе в классах, к восточной работе над собой над своими художественными произведениями. Только тот писатель, который владеет передовыми идеями нашего века, который вооружен учением Маркса — Ленина — Сталлина, может создать произведения, достойные великой эпохи социализма.

Оргбюро союза писателей приступило к работе. Для встречи писателей из края приглашались московские прозаики и поэты. Началась подготовка к выпуску альманаха, посвященного произведениям удмуртской литературы на русский язык. В работе оргбюро включен ряд первостепенных задач: сбор фольклора, песен и сказаний о С. М. Кирове.

КНИГИ К СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА

В подарок делегатам X съезду комсомола издательство «Академия» выпускает повесть А. М. Горького «В деревне», «Германия», Г. Гейне и роман Рафаэля Джонсона «Спартак». «Германия» выходит в переводе Л. Пеньковского, со вступительной статьей Ф. Шиллера. «Спартак»

На торжественном вечере в ознаменование 100-летия со дня рождения Менделя Мойхер-Сфорима (слева направо): т. Б. Волин, С. Динамов, К. Радек, С. Михоэлс.

МЕНДЕЛЕ МОИХЕР-СФОРИМ'

На торжественном заседании в Доме союзов

На астреле Колонного зала Дома союзов в центре — громадный портрет Менделя Мойхер-Сфорима. Под ним — слова этого замечательного художника, никогда еще не звучавшие так полноценно, как в наши дни в нашей стране:

«Литература, которая не имеет никакого отношения к народу и к его нуждам и на которую народ не оказывает воздействия, сама не может стать воздействующим фактором. Народ не интересуется ею, и она совершенно лишняя в белом свете».

До последних дней способ долгой жизни писателя был верен этому принципу, принципу **массовости, народности** искусства в самом широком смысле слова и на этой основе создал беспрецедентную галерею образов, ставших нарицательными в еврейском обиходе. Вот почему его произведения входят в желанный фонд мировой литературы, вот почему юбилей писателя приобретает, как правило, отмеченный в своих выступлениях председателем вновь избранного на вечере наркома просвещения тов. Б. Волина, Радека, С. Динамова, Л. Михоэлса и другие, значение всесоюзного культивированного праздника.

Беслаившая сила Менделя Мойхер-Сфорима, указывали все ораторы, сила, властно покоряющая и до сих пор — в необычайном внутреннем лигаменте его произведений, в бесподобности его обличий, в вечной свежести чувств: он умел страстно любить и столь же страстно ненавидеть, потому-то в его книгах рядом

стремительно несколько раз с живым Менделя Мойхер-Сфоримом.

Можно горько сожалеть, говорит Бабель, что страны Менделя Мойхер-Сфорима еще не стали странницами русской литературы. Ибо то, что переведено на русский язык, мало общего имеет с этим гениальным мастером, проникновенным художником, необычайным виртуозом слова.

— Между прочим, — заявляет тов. Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — трудно вовлечь во всякого рода мероприятия, но на это еще очень недавно находился еврейский народ. Тогда еще несущее становление еврейской молодежи, наряду с молодежью всех народов СССР, будет героически защищать от гибели покушений фашистского сбrosa.

Всесторонне характеризовали творчество Менделя Мойхер-Сфорима тт. М. Литваков, Д. Бертельсон, И. Нунин, П. Майкин, М. Виннер, И. Фефер и др. Народный артист республики т. С. Михоэлс говорил о художественном мастерстве великого еврейского классика, о его поразительной работе над словом. С напряженным вниманием выслушала первополнена аудитория речь тов. И. Бабеля, которому посчастливилось, как он выражался, в ранней юности

стремительно несколько раз с живым Менделя Мойхер-Сфоримом.

Меня, как известно, — заключает Бабель, — трудно вовлечь во всякого рода мероприятия, но на это еще очень недавно находился еврейский народ. Тогда еще несущее становление еврейской молодежи, наряду с молодежью всех народов СССР, будет героически защищать от гибели покушений фашистского сбrosa.

Беслаившая сила Менделя Мойхер-Сфорима, указывали все ораторы, сила, властно покоряющая и до сих пор — в необычайном внутреннем лигаменте его обличий, в вечной свежести чувств: он умел страстно любить и столь же страстно ненавидеть, потому-то в его книгах рядом

стремительно несколько раз с живым Менделя Мойхер-Сфоримом.

Можно горько сожалеть, говорит Бабель, что страны Менделя Мойхер-Сфорима еще не стали странницами русской литературы. Ибо то, что переведено на русский язык, мало общего имеет с этим гениальным мастером, проникновенным художником, необычайным виртуозом слова.

— Между прочим, — заявляет тов. Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда томов Шолом-Алейхема на русском языке, весь Шолом-Алейхем до сих пор не переведен. К счастью Господин Гольдин решил восполнить этот пробел; он приступает к изданию на русском языке полного собрания сочинений Менделя Мойхер-Сфорима и Шолом-Алейхема.

— Меня, как известно, — заключает Бабель, — я слышал недавно еще одно горестное открытие: несмотря на наличие ряда